

Ю.И. Дробышев

ИБ РАН

Политика киданей в Центральной Азии

Кидани считаются монголоязычными потомками одного из сяньбийских племён. Впервые упоминаются в «Вэй шу» во второй половине IV в. Первоначально кидани населяли долину реки Ляохэ (Шара-Мурэн) на юге Маньчжурии и долгое время не играли заметной роли в истории востока Центральной Азии, подчиняясь древним тюркам, уйгурам или танскому Китаю. Вели кочевой образ жизни, разводили скот. Наступивший в середине IX в. «вакуум власти» в степях и падение в 907 г. династии Тан в Китае позволили киданям сделать шаги к созданию собственной государственности. В 907 г. роды киданей были объединены под властью Елюя Абаоци (Амбагяня), а в 916 г. фактически провозглашена империя.

Нет ничего удивительного в том, что о взаимодействии киданей и кочевых народов Центральной Азии известно немного. Важнейшим источником информации по истории и культуре киданей и созданной ими империи Ляо служат произведения китайской историографии¹, а жителей Поднебесной, разумеется, в первую очередь интересовали взаимоотношения киданей с китайскими государствами эпохи Пяти династий и, конечно, с Сун, а не с «варварами». В этом плане чрезвычайно показательны слова знаменитого сунского историка, филолога, писателя, государственного деятеля Оуян Сю (1007–1072): «Увы, местожительство, напитки и пища восточных и северных варваров зависят от воды и травы, поэтому они и в холод и в жару перекочёвывают с места на место. У них есть вожди и названия кочевий, но нет письменных записей о наследственных родах. Что же касается ядовитых стрел, которые они выпускают из луков [друг в друга], покорения слабых сильными, величины владений, постоянного возвышения одних и гибели других – разве всё это заслуживает исследований и описаний? Однако, если они подчиняются и бунтуют, уходят или приходят, что может принести Срединному государству пользу или вред, это следует знать» [15, с. 185].

Взаимодействие с Китаем почти в течение всей истории киданьской империи было более оживлённым, чем с народами на её северных или

© Дробышев Ю.И., 2010

западных рубежах: кидани направляли свои взоры на юг, суливший сравнительно лёгкую и богатую добычу, причём такую, которую не производило кочевое хозяйство. Возможно, в силу этих причин отношение киданей к центрально-азиатским кочевым племенам сравнительно слабо освещено в научной литературе. Было даже высказано мнение, что Монголией кидани не интересовались (см. [21, с. 31]).

Ещё менее написано о хозяйственном освоении киданями захваченных на западе земель. Г.Е. Грумм-Гржимайло в своё время заметил: «Неизвестна нам также и политика, которой держались кидани на западе» [6, с. 379]. Пессимизм знаменитого путешественника в какой-то степени разделяет бурятский археолог С.В. Данилов, впрочем, справедливо предполагающий, что «возможно, кидани пытались колонизовать завоёванную территорию, богатую прекрасными пастбищами, которую можно было превратить в сырьевую животноводческую базу империи» [7, с. 154]. Это предположение подтверждается многочисленными фактами, в связи с чем на сегодняшний день едва ли можно говорить о нашем непонимании политики киданьских императоров в отношении кочевников Центральной Азии и их хозяйствовании в степях. Попавшие под власть киданей степные просторы использовались как государственные пастбища. Известно, что при закате Ляо на территории Монголии выпасалось несколько сотен тысяч императорских лошадей, до которых не могли добраться восставшие против киданей чжурчжэни. Эти лошади достались Елюй Даши, когда он окончательно покинул последнего киданьского императора Тянь-цзо (1101–1125) и бежал на запад (см. [29, с. 128]). Кроме того, вассальные кочевые племена выплачивали дань скотом и мехами, а также выставляли воинов для киданьской армии. Однако история киданьской колонизации Центральной Азии не представляла собой прямолинейный процесс. Столь же неоднозначно складывалось и взаимодействие агрессоров с местным населением.

Из отечественных исследователей отдельную статью взаимоотношениям киданей и племён северо-запада посвятил Г.Г. Пиков, отметивший, что в степях Центральной Азии сложилась модель «цивилизация – варвары», аналогичная китайской. Важное место в этих отношениях занимали *цзубу*, этническая принадлежность которых вызывает споры среди историков (см. подробнее ниже). Занимая обширные пространства, *цзубу* были номинально подчинены киданям, но нередко поднимали мощные восстания. В 1119 г. они окончательно сбросили киданьское ярмо (см. [19, с. 5–13]).

Монгольский историк Х. Пэрлээ полагал, что со второй половины X в. кидани проводили политику полного подчинения племён Северной Монголии. Хотя эти племена попали в зависимость от киданей, их земли не были включены в состав империи Ляо (см. [20, с. 55]). Действительно, северная граница Ляо прочерчивается исследователями по северу Монголии, точнее, можно думать, что она более-менее совпадала с южной границей распространения лесов, поскольку кидани, как кочевой народ, скорее всего, не были особенно заинтересованы в захвате непривычных для них таёжных ландшафтов. Так, Л.Л. Викторова проводит её по реке Керулен (см. [3, с. 163]), к югу от которой расстилаются бескрайние степи,

а к северу начинаются лесистые горы Хэнтэя. Возможно, подобным образом несколько веков спустя ханы Золотой Орды осуществляли контроль над русскими княжествами, не оккупируя их территорию.

Киданьская экспансия в Центральной Азии началась в первой четверти X в. Трудно сказать, чтобы монгольские степи привлекали киданей больше, чем плодородные земли Китая, где было кого грабить, но прежде чем разворачивать широкомасштабные военные кампании на юге, надо было побеспокоиться о безопасном тыле и флангах, для чего, обретя в 907 г. власть над своими соплеменниками, талантливый киданьский вождь Абаоцзи совершил не только несколько военных походов в Северный Китай, которые, вероятно, можно считать «традиционными» грабительскими набегами, но и против племён *шивэй* (908 г.), *си*, или *хи* (910 и 911 гг.), *чу-ту-ку* далеко на северо-западе, на территории нынешней Монголии (912 г.), *угу* (предположительно, унгираты) (915 г.) (см. [28, с. 60–61]). Кампания 916 г. была направлена на покорение народов, обитавших к югу от Гоби, по южной оконечности Центральной Азии, и сопровождалась грабежом и угоном в рабство побеждённых: «Император лично атаковал тюрков, *тууйхуней*, *дансянов*, *сяофаней* и *шато* и умиротворил их. Было захвачено 15 600 семей, более 100 000 оружия и доспехов, много лошадей, быков и овец» [29, с. 575].

В 924–925 гг. Абаоцзи снарядил новую экспедицию в степи против *тууйхуней*, *дансянов* и *цзубу*. На сей раз, это было более сложно спланированное, широкомасштабное военное мероприятие. На пути в Восточную Джунгарию он прошёл через долину Орхона и в девятом месяце 924 г. посетил развалины уйгурского Орду-Балька, где приказал стереть надпись на стеле в честь Бильге-кагана и вместо неё высечь надпись по-киданьски, по-тюркски и по-китайски, чтобы увековечить свои славные деяния (см. [29, с. 576]). Это напоминает обычай китайских полководцев ставить памятные стелы там, куда они доходили в карательных походах против кочевников. Разгромив противника, они возвращались на родину и оставляли после себя надписи на камне, но не укреплённые пункты с гарнизонами². Заслуживает внимания тот факт, что киданьский предводитель поступил, в сущности, точно так же. Он не разместил на Орхоне гарнизон, как этого не сделали до него кыргызы, сокрушившие уйгуров в 840 г. Объяснить это можно желанием Абаоцзи заявить о своей гегемонии в восточной части Центральной Азии и обезопасить свои собственные владения от неожиданных ударов с запада, в то время как удержать огромные пространства этого региона он был пока не в состоянии. Впрочем, какое-то число киданей осталось в Джунгарии. Кроме того, Абаоцзи отрядил войско для подчинения уйгуров Ганьсуского коридора. Тем временем другое войско под руководством второго сына Абаоцзи – будущего императора Дэгуана (926–947) пересекло Гоби и поставило под контроль киданей народы Иньшаня и северо-восточной части Ордоса, включая *тууйхуней* и мелкие группы тангутов (см. [28, с. 65–66]).

Для чего понадобились военные кампании 916 и 924 гг.? По существу, с запада крепнувшей киданьской державе вряд ли что-либо серьёзно угрожа-

ло: там, по мнению большинства историков, в эти годы существовал «вакуум власти». После падения державы уйгуров в Центральной Азии не было единоначалия, хотя в исторической науке весьма распространено убеждение, что в первой четверти X в. кидани вытеснили из Монголии кыргызов, которые якобы хозяйничали там после разгрома ими Уйгурского каганата. Оно основывается на широко известной, но слабо подкреплённой фактами концепции «кыргызского великодержавия», которого, по мнению некоторых исследователей, на самом деле не было (см. [1, с. 7–10; 2, с. 106–115; 22, с. 390–403; 23, с. 200]). Действительно, этническая карта Центральной Азии X–XII вв. не оставляет места для кыргызов как реальной политической силы. Ничего не сообщается о военных столкновениях киданей с кыргызами в указанный период, хотя не вызывают сомнения сведения о неудачном вторжении Елюй Даши в кыргызские земли в 1132 г., а также разбросанные по «Ляо ши» записи о принесении кыргызами дани в 930, 952 и 977 гг. (см. [29, с. 320–321]), хотя, скорее всего, это была не дань, а подарки кыргызских посольств. Владения кыргызов не соприкасались с киданьскими и не зависели от милости киданьских императоров.

Объединить «народы, живущие за войлочными стенами» и стать предводителем всего кочевого мира – эта программа-максимум едва ли не каждого честолюбивого племенного вождя номадов, по-видимому, на данном этапе не довлекла над Абаоцзи, более озабоченным положением на границе с Китаем и Бохаем. Впрочем, как полагают некоторые историки, в частности Е.И. Кычанов, основатель киданьского государства мог считать себя преемником могучих каганов древности и вынашивал планы стать хозяином всей Великой Степи (см. [12, с. 145]). Вполне можно думать, что, отведи судьба Абаоцзи больше лет, он постарался бы поставить на колени всю Центральную Азию, но после его смерти в 926 г. вектор киданьской агрессии на долгое время сместился на юг, несмотря на грандиозный образ мир-империи Ляо, который развернул перед Дэгуаном государственный деятель Елюй Юйчи. Поддерживаемые своими подчиненными бохайцами, тюрками, дансянами и шивэй, кидани могли бы управлять землями на юге и объединить весь мир (см. [29, с. 112, 537]). Однако Дэгуан либо не внял этим словам, либо просто не успел приступить к осуществлению этого замысла.

Судя по результатам западных походов Абаоцзи, приведение кочевников к покорности не предполагало присоединения их земель к своим. Но «прорубить окно» в Восточный Туркестан и Среднюю Азию имело смысл, чтобы без посредников включиться в трансконтинентальную торговлю. В дальнейшем это закономерно привело к новому витку урбанизации Центральной Азии. По-видимому, Л.Л. Викторова совершенно права в своём утверждении, что кидани начали строить в Центральной Азии города, протянувшиеся цепью с востока на запад, для поддержания товарооборота, возросшего после образования империи (см. [4, с. 72, 74]). В некотором роде, кидани выступили наследниками уйгуров³: они тоже эффективно «выдаивали» Китай и тоже нуждались в надёжных коммуникациях, позволявших им переправлять китайский шёлк в западные страны через тысячи

километров центрально-азиатских степей и пустынь. Поэтому степные города киданей служили не только местами дислокации гарнизонов, ремесленными центрами или местопребыванием администрации, но и перевалочными пунктами для хранения товаров, движущихся в широтном направлении. Вряд ли случайно киданьское градостроительство унаследовало некоторые черты уйгурского, такие, как, например, вынесение цитадели за пределы внешнего города (см. [9, с. 129–130])⁴. Если ранние киданьские городища ориентированы с северо-запада на юго-восток, то поздние – с севера на юг (см. [9, с. 121]), т.е. демонстрируют переход от дальневосточной градостроительной традиции к тюркской. Возможно, некоторые «парные» киданьские городища, открытые на территории Монголии, например Зуун-хэрэм и Баруун-хэрэм, расположенные всего лишь в двух километрах друг от друга, выполняли различные, но взаимодополняющие функции – на одном существовали склады, другое было местом проживания гарнизона и служило своего рода караван-сараям для проезжавших торговцев. При этом совсем не исключено, что в непосредственной близости от складов стояли юрты охраны, от которых к настоящему времени не сохранилось никаких археологически фиксируемых следов.

На территории нынешней Монголии обнаружено десять городищ киданьского времени. В настоящее время активно ведутся раскопки на городище Чинтолгой балгас в сомоне Дашинчилэн Булганского аймака. Возникновение этого укрепленного киданьского поселения датируется 1004 г. Наряду с киданьской черепицей, фрагментами уйгурских керамических сосудов, сунскими монетами и другими артефактами на городище обнаружены бесспорные следы бохайской культуры: каны, ручки от керамических сосудов и сделанные из стенок сосудов так называемые «фишки». Полагают, что Чинтолгой – это известный из исторических источников Чэн-Чжоу, отстроенный на месте уйгурского городка Хэдун (см. [18; 24; 25]). Для обогрева зданий в киданьских поселениях сооружали каны, характерные для дальневосточной архитектуры, но отапливали их аргалом (сухим навозом) – другое топливо в степи дефицитно.

Как правило, урбанизация в Центральной Азии стимулировала развитие земледелия. Уже у хунну известны безуспешные попытки обработки земли вблизи оседлых поселений, но своего расцвета хлеборобство и огородничество достигли в Уйгурском каганате благодаря согдийцам, селившимся в уйгурских укреплениях. В принципе, создание земледельческих колоний, населённых пленными или добровольно переселившимися представителями оседлых народов, прежде всего китайцами, – одно из типичных мероприятий, предпринимавшихся правителями кочевых империй. На территории современной Монголии их создавали кидани, монголы, маньчжуры. Археологические и нарративные источники показывают, что кидани переселяли в районы Центральной Азии китайских и бохайских земледельцев, которые, кстати, составляли численное большинство в империи Ляо. Эти депортации, порой охватывавшие десятки тысяч человек, – питательный источник средневековой урбанизации Центральной Азии и, кроме того, действенный способ ликвидировать

угрозу смуты возле своей исконной территории. Таким образом, дальневосточная культура, в том числе приёмы и навыки природопользования, переносилась в степь. Создание постоянных населённых пунктов иногда принимало причудливую форму, больше напоминавшую организацию резерваций. Например, после подавления мятежа кочевых племён в 1015 г. Елюй Шилян перебил всех взрослых угу, а оставшихся в живых заставил построить обнесённый стенами городок на Керулуне, чтобы поселить их там (см. [20, с. 57–58; 29, с. 587]).

На рубеже X–XI вв. вдоль границ империи были созданы гарнизонные поля. Солдаты пограничной службы были обязаны обрабатывать их и запасать зерно для снабжения армии. В годы правления императора Шэн-цзуна (982–1031) на северо-западных рубежах Ляо неоднократно вспыхивали мятежи кочевников. Император послал Елюй Танку принять командование сельскохозяйственными работами для снабжения западных армий, и тот привёл солдат обрабатывать земли вдоль реки Керулен. Был собран богатый урожай. В гарнизонных амбарах Чэн-Чжоу за 14 лет накопилось много проса, и зерно было очень дешёвым (см. [29, с. 136–137]).

Следовательно, можно уверенно говорить о двух основных вариантах земледельческой активности киданей в Центральной Азии. Во-первых, это обработка земли силами переселённых иноплеменников – китайцев, бохайцев, чжурчжэней, возможно, кого-то ещё. Во-вторых, собственно киданьское хлеборобство. Локализация пашни известна достаточно хорошо. Кидани использовали давно обжитую и пригодную для земледелия долину Орхона в районе прежней уйгурской столицы – г. Орду-Балык. Кроме того, распахивались долины Керулена и Онона. Императорским указом от 940 г. земли, прилегающие к рекам Юйсели (вероятно, р. Халха на территории современной провинции Хэйлунцзян, КНР) и Керулену, даровались людям для обработки (см. [29, с. 135]). Наконец, мы можем допустить существование земледелия, скорее всего, в очень ограниченных масштабах, у местных кочевых племён, которое практиковалось ими и до прихода киданей, и после. Традиционно земледелием занимались в Западной Монголии и в долинах Хара-гола и Селенги, но сеяли ли там хлеб в киданьское время, мы не знаем. Засушливый климат Центральной Азии позволял получать хорошие урожаи лишь при достаточном поливе. Поэтому к пашне подводили воду из близлежащих рек. Так, к городку Зуун-хэрэм тянулся от Керулена оросительный канал 6–7 м шириной и 0,3–0,8 м глубиной. Возле Баруун-хэрэма также найдены следы оросительного канала. Следы обширной оросительной системы открыты в окрестностях Харабухын балгаса в Центральной Монголии (см. [20, с. 57, 58, 61]).

При императоре Шэн-цзуне кидани предприняли попытку укрепить своё влияние в Центральной Азии, значительно расширив границы империи в результате карательной экспедиции 994 г. против племён на западной границе, предпринятой Ху-лянь – двоюродной бабкой Шэн-цзуна. Вдоль рек Тола и Керулен была заложена линия укрепленных пунктов. На месте уйгурского города Хэдун в 1004 г. был основан киданьский город, получивший название Чэн-Чжоу. Его гарнизон насчитывал около

20 000 киданьских воинов, главной задачей которых был контроль над кочевыми племенами. Хозяйственные работы там выполняли члены 700 бохайских, чжурчжэньских и китайских семей, а также семьи сосланных преступников-киданей. Скорее всего, аналогичен был состав населения и других киданьских городов в Центральной Азии. Втянутые в эти события племена северо-запада изъявили киданям покорность.

В киданьском обществе приращение земель государства приветствовалось не всеми. Неизбежные трудности содержания далеких гарнизонов, связанные с чрезвычайно растянутыми коммуникациями и, соответственно, сложностями снабжения и смены солдат, невозможность оперативно реагировать на нападение врага осознавались в верхах Ляо и доводились до сведения императоров: «При дворе обсуждался план расширения юго-западной территории, которая должна была простереться на несколько тысяч ли к западу от Чёрной горы. [Елюй] Танку сказал: „Если гарнизонные крепости слишком далеки, в случае внезапной опасности спасательные силы не смогут прибыть вовремя. Это не хорошее расположение“. Было одобрено» [29, с. 555]. Однако за одобрением двора отнюдь не всегда следовали необходимые мероприятия, и ситуация только продолжала усугубляться.

Елюй Чао (ум. в 1016) между 983 и 1012 гг. нарисовал мрачную картину пограничной службы и дал весьма удачное, на наш взгляд, объяснение причин, почему жизнь в дальних гарнизонах была такой тяжёлой, а также описал особенности использования гарнизонами пастбищных ресурсов. Какого бы высокого уровня ни достигла агротехника в монгольских степях, основу существования людей там всегда составляло скотоводство, сбалансированное со скудными ресурсами степей. «В северо-западных районах во время полевых сезонов на каждого человека, несущего патрульную службу, один заботится об общественной земле и двое оказывают услуги *цзю* должностным лицам. В общем, никто из четырёх взрослых мужчин не живёт дома. Работа по выпасу и заботе о стадах передается их жёнам и детям. Будучи ограблены, они тут же становятся нищими. Летом и весной им оказывается помощь сострадательными действиями [правительства]⁵. Однако чиновники часто смешивают [правительственное зерно] с мякиной, внося в их эксплуатацию свой вклад, поэтому через несколько месяцев они опять сталкиваются с нищетой. Более того, скотоводство – это основа процветающей страны. Но чиновники, дабы предотвратить укравание животных, собирают их в одном месте и не позволяют им рассеяться в местах с обильной водой и травой. Далее, вследствие дезертирства и смертей, солдаты на охране границы постоянно заменяются людьми, не приспособленными к природным условиям региона. Поэтому день ото дня становится хуже, а набеги продолжаются месяц за месяцем, так что они постепенно приближаются к полному истощению» [29, с. 556]. Для исправления ситуации чиновник предложил ряд административно-хозяйственных мероприятий: «Как план на сегодня, нет ничего лучше, чем помочь бедным, сократить их налоги и обеспечить их быками и семенами, чтобы привлечь их к обработке земли и сбору урожая. Должны быть созданы мобильные

патрули против воровства и разбоя. Военная добыча должна распределяться [среди людей], чтобы помогать им летом и зимой. Стада следует рассредоточить так, чтобы они могли добраться до хороших пастбищ. Тогда мы сможем надеяться на богатство и силу через несколько лет. Затем, если отобранное войско тренируется и выбирается так, чтобы составить ряды армии, как оно может стоять в обороне, не будучи прочным? Как может оно нападать, не захватывая? Но нужно прежде удалить людей, которыми трудно управлять. Тогда остальные сами устроятся. Если пренебрегают большими вещами и обдумывают мелкие вещи, если избегают сильных и атакуют слабых, тогда не только впустую потратятся деньги и силы, но также невозможно будет склонить их на свою сторону полностью. Эти две политики – инструменты, которые способствуют достижениям и неудачам. Ими не следует пренебрегать» [29, с. 556].

В приведённых цитатах отдельного внимания заслуживает упоминание чиновников, препятствовавших рассредоточению стад по степи в целях предотвращения их укрывательства от налогообложения. Если эти действия можно считать экономически вполне понятными и оправданными, то их экологическая оценка может быть только отрицательной. Выпас скота в Центральной Азии мог гарантировать сохранение кормовых ресурсов лишь тогда, когда стада перемещались по относительно большой территории согласно сезонному циклу. По этой причине, в частности, гарнизоны не могли иметь слишком много животных, либо должны были выпасать их на значительном удалении от укреплений, что подвергало стада риску угона шайкой грабителей. Могли ли упомянутые чиновники не знать этой простой истины? Ответ может заключаться в их национальной принадлежности. Известно, что к исполнению административных функций в империи Ляо охотно привлекали выходцев из Китая, для которых нюансы кочевого скотоводства не были столь очевидны, зато они обладали опытом сбора налогов. Номад едва ли додумался бы сгонять скот в одно место, хорошо понимая, что таким образом можно быстро загубить пастбище. Однако доходило ли дело до гибели пастбищной растительности и если да, то в каких масштабах, мы, по-видимому, никогда не узнаем. Скорее всего, эти негативные явления имели очень узкое распространение и, в целом, не оказали на природную среду Центральной Азии какого-либо влияния.

Кроме разведения скота и занятия земледелием, жители гарнизонов могли промысливать диких животных, а также рыбачить. Судя по остеологическому материалу, собранному исследователями на городище Чинтолгой балгас, жители добывали сами (или выменивали) окуня, плотву и некоторые другие виды рыб (см. [18, с. 128]).

Подобно другим номадам, кидани использовали облавы на зверя для тренировки воинов. Во главе облав стояли сами императоры. Об императорских охотах киданей сохранились подробные записи, однако, здесь нас интересует эксплуатация киданями охотничьих ресурсов Центральной Азии. Таких сведений гораздо меньше, причём имеющиеся позволяют полагать, что монгольские степи и горы не служили местом проведения облавных охот этого народа, а использовались для этой цели

лишь изредка, во время военных походов, как, например, в десятом месяце 924 г., когда в горах Ю-ло, предположительно локализуемых на территории современной Монголии, киданьские воины добыли несколько тысяч диких животных, пошедших на снабжение армии мясом. В одиннадцатом месяце того же года Абаоцзи развернул масштабную охоту в западных районах Ганьсу и Монголии, благодаря чему его воины каждый день имели свежую пищу (см. [29, с. 128–129]).

В годы правления Син-цзуна (1031–1055) считалось, что «ныне нет службы более тяжёлой, чем служба гарнизонов на западной границе». В докладе, который подал трону между 1035 и 1044 гг. чиновник Сяо Ханьцзяну, подробно описывается история западной экспансии киданей, её основные этапы, и раскрываются истоки связанных с ней проблем: «Без гарнизонной службы на западной границе даже в крайне плохой год трудности не дошли бы до такой точки. Если можно было бы сдвинуть западные гарнизоны ближе, то путь не был бы тяжёлым, и люди не бедствовали бы сильно. Некоторые критики могут придерживаться мнения, что перемещение этих гарнизонов никаким образом не было бы полезным – во-первых, из-за потери престижа; во-вторых, это послужило бы причиной вторжений и оскорблений; в-третьих, это означало бы оставить обработанную землю и пастбища. Я говорю, что это не так. Племена *цзубу*, с давних времён обитавшие там, прежде распространились на север до реки Керулен и на юг до границы [Ляо], где большинство из них жило рассеянно, и не объединяясь. Они просто бродили вперёд и назад, воруя и грабя. Когда Тай-цзу (Абаоцзи. – Ю.Д.) осуществил западный поход в пустыню, все *цзубу* быстро подчинились, и все различные государства западных земель изъявили желание платить дань». Затем Сяо Ханьцзяну добавляет очень важную для нас информацию, демонстрируя разумную западную политику Абаоцзи: «После он перевёл [*цзубу*] на положение внутренних и реорганизовал их в три племени, чтобы увеличить нашу страну. Не строилось обнесённых стенами городов. Гарнизонных войск также не учреждалось. И, однако, в течение поколений *цзубу* не осмеливались делать нападения» [29, с. 557–558]. Предпринятая Абаоцзи реорганизация, очевидно, осуществлялась традиционными методами – вожди племён получали титулы и формально включались в военно-административную систему складывающегося киданьского государства, а на их земли простирались протекция киданей, так как теперь они становились «внутренними» землями. Надо думать, такое положение в течение какого-то времени устраивало обе стороны, и крупных мятежей не происходило. В тех случаях, когда лояльность кого-либо из племенных вождей была под сомнением, кидани смещали его и ставили над племенем своего чиновника, а само племя могли разорить и обескровить, угнав скот.

Кем были эти *цзубу*? Л. Квонтен пишет, что их этническая принадлежность не ясна. Возможно, они были предками монголов. В начале X в. они кочевали вдоль Керулена, позже продвинулись на запад до Орхона (см. [26, с. 107]). К.А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн указывают, что этноним *цзубу* употребляется в «Ляо ши» и «Цзинь ши» для обозначения

татар. *Цзубу* делились на несколько групп согласно местам проживания: западные, северные, северо-западные. С первыми иногда отождествляют найманов, со вторыми – керейтов; для северо-западных *цзубу* отождествления не было предложено (см. [29, с. 101–102]); возможно, это были меркиты, заселявшие земли вниз по Селенге. Кроме перечисленных народов, под этим этнонимом могли также скрываться джалаиры и некоторые другие (см. [5, с. 331]). На карте тангутского государства Си Ся, опубликованной Е.И. Кычановым и датированной им 1066–1081 гг., практически на всём протяжении северной границы с тангутами соседствуют татары (см. [13, с. 34]). Это были беспокойные соседи: в тангутском законодательстве они названы «подлинными врагами» (см. [13, с. 35]), что вполне согласуется с их характеристикой, данной другими источниками. Таким образом, можно полагать, что *цзубу* – общее название нескольких кочевых народов, населявших земли нынешней Монголии от Большого Хингана до Алтая, ядро которых составляли татары.

Сначала *цзубу* были лояльны к новым хозяевам Центральной Азии и достаточно регулярно приносили дань⁶. Однако они оказывали сильное сопротивление попыткам киданей продвинуться вглубь их владений. Войны с ними велись в 997–1000, 1007, 1012–1023, 1086 гг. В 1014 г. верховный вождь *цзубу* получил от киданей титул вана⁷. По-видимому, его ставка находилась на Орхоне⁸, что должно было соответствовать его высокому положению в кочевой иерархии.

В 1089 г. *цзубу* подчинились сильному вождю Могусы. Когда в 1092 г. кидани атаковали своих соседей на монгольской границе, в этот конфликт оказались втянуты и *цзубу*, совершившие под предводительством Могусы серию рейдов вдоль северо-западной границы Ляо и угонявшие скот. К *цзубу* присоединилось несколько других племён, в том числе воинственные *диле*. Вторжение *цзубу* оказалось серьёзной угрозой для киданских пастбищ. Двор поручил северному уполномоченному по военным делам Елюй Вотэла подавить мятежников, однако, потребовалось восемь лет постоянных тяжёлых боёв, чтобы вернуть пастбища и подчинить *цзубу*. Весной 1100 г. Могусы был схвачен и жестоко казнён, но мир удалось восстановить лишь два года спустя (см. [28, с. 138–139]).

Однако вернёмся к рассуждениям Сяо Ханьцзяну. Далее чиновник показал особенности управления кочевниками после похода 994 г. и дальнейшего приращения территории Ляо за счёт западных земель: «В годы Тун-хо двоюродная бабка императора направила экспедицию в западные районы. Поскольку территория расширилась ещё дальше, люди, которые сдались и были подчинены, также увеличились в числе. С тех пор, если одно племя поднимало мятеж, соседние племена карали его таким образом, что они могли контролировать друг друга равной силой. Это именно тот способ, которым управляют удалённым народом» [29, с. 558]. Здесь трудно не разглядеть старый как мир китайский внешнеполитический принцип «руками варваров подавлять варваров». Примечательно, что его с успехом применяют сами вчерашние «варвары» – и, надо сказать, отнюдь не впервые. Укоренившись на землях Северного Китая, некоторые кочевые

династии со временем начинали позиционировать себя перед соседями как Срединные государства и выстраивать свою внешнюю политику в точном соответствии с китаецентристскими доктринами. Довольно заметный пример – тобаское государство Северная Вэй (376–554), в качестве культурно-политического центра противопоставлявшее себя не только кочевникам-*жуаньжуаням* на севере, что было бы не столь уж удивительно, но даже Южному Китаю, где у кормила власти стояли этнические ханьцы.

Наконец, чиновник подходит непосредственно к источнику проблемы: «Однако с тех пор, как был обнесён стенами Хэдун, и граница раздвинулась на несколько тысяч *ли*, обязанности людей северо-запада день ото дня возрастали, и день за днём уменьшался их производительный труд. В случае опасности спасение невозможно, а акты мятежа и сдачи непредсказуемы. Номинально мы расширили нашу территорию, но реально ничего с этой земли не приобрели. Если жадность до территорий не кончится, постепенно наступит состояние изнеможения. Бедствие будет неопишное...» [29, с. 558]. Чтобы избежать катастрофы, Сяо Ханьцзяну предложил целый ряд срочных мер: наладить смену гарнизонов, как это было в старые времена, отремонтировать и укрепить стены и башни, переместить Хэдун⁹ ближе к путям снабжения и т.д. Смелые предложения способствовали его продвижению по служебной лестнице, но едва ли были воплощены в жизнь. Проблема охраны центрально-азиатских рубежей Ляо осталась не решённой (см. [29, с. 558–559]).

Отношения киданей складывались не просто не только с *цзубу*, в чём были виноваты сами кидани, притеснявшие кочевников. Киданьское иго было для племён тяжелее китайского, о чём красноречиво говорят следующие примеры. Так, оказавшиеся в подчинении киданей *туюйхуни* страдали от их жестокости и алчности, и в 940 г. их вождь увёл в земли Поздней Цзинь (936–947) более тысячи юрт. Разгневанный киданьский император Дэгуан отправил в Цзинь посла с упрёками, и цзиньскому правителю Гоа-цзу (Ши Цзиньтану) пришлось отрядить войска, чтобы пригнать *туюйхуней* на покинутые места (см. [8, с. 70]). Однако уже на следующий год Гао-цзу получил от генерал-губернатора Чэндэ – ненавидевшего киданей Ань Чжун-жуна – челобитную, в которой указывалось, что *туюйхуни*, а также западные и восточные *туцзюэ*, *хуни*, *шато* и *циби* хотят подчиниться Китаю, а правители *дансянов* и некоторых других владений сдали полученные от киданей грамоты об их назначении на престол. Все жаловались на притеснения киданей и выражали готовность подготовить войско для совместного с Цзинь нападения на Ляо. Гао-цзу с челобитной не согласился (см. [8, с. 70–71]). Да и как он мог согласиться, сам будучи ставленником киданьского императора, до поры до времени не решавшимся осложнить отношения со своим покровителем?

С целью удержания в покорности местных племён, для контроля над землями к северу от Гоби (Шамофу) были созданы: «западное управление главного воеводы-усмирителя; охрана из племени *аовэй*; управление военного инспектора на реке Люйцзюй; управление генерал-губернатора Даоталина; различные военные отряды для усмирения племён *дадань*, *мэнгу*, *диле*» [8, с. 301].

О землях племени *мэнгу*, обычно отождествляемого с монголами, в «Истории государства киданей» Е Лун-ли сообщается следующее: «Прямо на севере земли киданей доходят до владения Мэнгули. В этом владении нет правителя, который бы управлял народом. Население не занимается земледелием, [основным] занятием является охота. Люди не живут постоянно на одном месте, а кочуют в каждый из четырёх сезонов года в поисках хорошей травы и воды. Пищей служат только мясо и кумыс. С киданями не воюют, а лишь торгуют с ними изделиями из шкур и шерсти крупного рогатого скота, овец, верблюдов и лошадей. На юге от этого владения, на расстоянии более четырёх тысяч ли, находится Верхняя столица» [8, с. 305]. Если *мэнгу* не причиняли киданям большого беспокойства, то этого нельзя сказать о татарах (*дада*) и некоторых других племенах, обитавших западнее и нередко наносивших киданям ощутимые удары. Тот же источник приводит очень интересные сведения, демонстрирующие кочевой образ жизни и воинственность этих племён: «Далее на севере с переходом на запад земли киданей доходят до владения Бегули, на северо-западе... (в переводе пропуск. – Ю.Д.) затем на севере, ещё западнее, – до владения Дада. Во всех перечисленных владениях нет правителей. Каждое крупное племя состоит из двухсот-трёхсот семей, а мелкое – из пятидесяти-семидесяти. Наиболее богатые и знатные лица племени являются вождями. Население не живёт постоянно на одном месте, а кочует в поисках хорошей воды и травы. Занятием служит охота. Все женщины искусны в верховой езде и стрельбе из лука. Племена часто воюют с киданями. В разное время кидане неоднократно терпели от них поражения. Императоры киданей назначали своих родственников и приближённых на должности главнокомандующих войсками северо-западного направления, которые во главе войск из варваров численностью свыше ста тысяч человек держали оборону и ходили в походы, но так и не смогли обуздать противника. Начиная с создания государства киданей, только указанные три владения (очевидно, Бегули, Дада и ещё одно, пропущенное в переводе. – Ю.Д.) причиняли им вред, и с ними ничего не могли поделать посылаемые против них войска, которые лишь изнурялись. Кидане постоянно подвергались нападениям, а в периоды временного спокойствия эти владения торговали с ними шкурами и шерстью крупного рогатого скота, овец, верблюдов и лошадей, но это продолжалось не более полугода, после чего снова начинались грабежи. На юго-востоке от этих владений, на расстоянии более шести тысяч ли, находится Верхняя столица» [8, с. 306]. Остальные «варварские» владения, окружавшие империю Ляо с запада, севера и востока, представляют для нас существенно меньший интерес, хотя именно одно из них оказалось могильщиком киданьского государства в 1125 г. В последней цитате наглядно продемонстрировано бессилие киданей полностью подчинить себе племена северо-запада даже при условии использования в военных походах многочисленных кочевников. Поэтому содержание 20-тысячного киданьского гарнизона в городе Чэн-Чжоу представляется совершенно оправданным. Сохранились сведения о нападении татар на Чэн-Чжоу в первом месяце 1013 г. Атака была отбита (см. [29, с. 587]).

Подводя итог, можно предположить, что киданьское владычество в Центральной Азии не изменило привычный уклад жизни кочевых племён. Подчинение очередному сильному народу не могло повлиять принципиально на социальное устройство и хозяйственную деятельность *цзубу*, *туйюйхуней*, *шивэй* и других обитателей этого региона. Оно лишь изменило перераспределение продукции, производившейся кочевой экономикой, в пользу восточного сюзерена. Сами кидани, похоже, в жизнь центрально-азиатской природы практически не вмешивались, кроме не особенно частых случаев военных походов, а также гарнизонной службы, сопряжённой с фортификацией, хлеборобством и выпасом скота. Поэтому состояние окружающей среды определялось как естественными факторами, так и традиционным природопользованием кочевого населения. Киданьская эпоха не оставила в истории Центральной Азии глубоких экологических следов, хотя она, несомненно, явилась предтечей бурной монгольской эпохи.

Несмотря на то, что сложности управления кочевниками так и не были преодолены, а проблема западных рубежей фактически осталась нерешённой, преувеличивать её нет должных оснований. Как оказалось, реальная угроза империи исходила не от западных, а от восточных её границ, причём вклад трудностей содержания западных гарнизонов в общую дестабилизацию управления Ляо едва ли был велик. Даже более того: в период дезинтеграции государства, в 1124 г., Тянь-цзо получил военную помощь от *шивэй* и татар, а внук восьмого киданьского императора Дао-цзуна Елюй Даши нашёл поддержку именно на западе. Заслуживает внимания тот факт, что кочевники, в том числе и *цзубу*, не стали мстить отступавшим с Елюй Даши киданям, а встали под его знамёна. Авторитет этого полководца был в степи столь высок, что в 1127 г. татары отказались поставлять лошадей чжурчжэням, а в 1130 г. вожди кочевых племён саботировали приказ главнокомандующего Цзинь о мобилизации. Симптоматично также создание Елюй Даши государства Западного Ляо (Си Ляо, 1124–1211 гг.) в Средней Азии, позволившее киданьской культуре и государственности просуществовать в новых условиях ещё почти век. Таким образом, мы можем полагать, что западная политика киданей не была безрезультатной. Наконец, в процессе взаимодействия киданей с номадами обогатилась культура последних, что хорошо прослеживается, в частности, на примере средневековых монголов.

Примечания

¹ К таковой можно причислить и написанную при Юанях династийную хронику «Ляо ши», так как создавалась она по китайским канонам китайскими историографами, хотя руководил работой монгол Токто.

² В 89 г. ханьские войска вместе с союзными южными хунну совершили поход во владения шаньюя северных хунну, наголову разбили неприятеля, захватили огромное количество скота и подчинили 81 кочевье. После этого полководцы Доу Сянь и Гэн Бин «поднялись на гору Яньжань, находившуюся на расстоянии более 3 тыс. ли от укреплённой линии, и поставили на ней каменный памятник с описанием могущества и добродетелей династии Хань» [16, с. 153]. Иной была политика

Китаю в отношении земель к северо-западу (Си-юй – Западный край), через которые тянулись ветви Великого шёлкового пути. Там создавались опорные пункты с военнопоселенцами, позволявшие контролировать эту важнейшую транспортную артерию Азии. За обладание этими территориями шли постоянные войны между Китаем, кочевыми империями Центральной Азии, Тибетом.

³ Уйгурское культурное влияние на киданей было весьма значительным и проявлялось в архитектуре, земледелии, духовной культуре и др., что объясняется не только подчинением киданей Уйгурскому каганату до падения последнего, но и родственными связями правящей киданьской династии Елюев с уйгурским родом Сяо, откуда киданьские принцы брали невест.

⁴ О градостроительстве и фортификации киданей см. [10, с. 245–252; 27, с. 70–88].

⁵ Аналогично поступали юаньские императоры, посылавшие в Монголию зерно, скот и бумажные деньги для облегчения участи бедствующих аратов (см. [17, с. 409–446]).

⁶ Сохранились сведения о размерах этой дани. Так, согласно императорскому указу от 1019 г., *цзубу* должны были ежегодно доставлять 1700 лошадей, 440 верблюдов, 10000 шкурок горностая и 25000 серых кротов (*gray moles*; скорее всего, речь идёт о тарбаганах (*Marmota sibirica*), обычных обитателях монгольских степей). В 1048 г. они пригнали 20000 лошадей. Другие племена давали от 300 до 10000 лошадей (см. [29, с. 331–332, 357, 359]).

⁷ Ср. присуждение чжурчжэнями титула *вана* предводителю керейтов Ториу в 1198 г., после чего он стал зваться Ван-ханом (см. [11, § 134]).

⁸ См. карту империи Ляо в [28, с. 118–119].

⁹ Вероятно, в данном случае речь идёт не о городе Хэдун в Центральной Монголии, а о другом укрепленном пункте киданей, носившем то же имя и располагавшемся на р. Керулен (см. [14, с. 142; 29, с. 67–68]).

Литература

1. *Азбелев П.П.* Кыргызы и Китай: о пределах доверия к летописям // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Материалы VIII международной конференции, г. Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 года). Т. I. Горно-Алтайск, 2007.

2. *Азбелев П.П.* Об инновациях IX в. в южносибирских культурах // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 6. Горно-Алтайск, 2007.

3. *Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

4. *Викторова Л.Л.* Роль киданей в этнокультурной и политической истории монголов X–XII вв. // XII НКОГК. Ч. II. М., 1981.

5. *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.): Исторический очерк. М., 1975.

6. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.

7. *Данилов С.В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.

8. *Е. Лун-ли*. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. *В.С. Таскина*. М., 1979.
9. *Ивлиев А.Л.* Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
10. *Кириллов И.И., Ковычев Е.В.* Киданьские древности Приаргуны // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002.
11. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
12. *Кычанов Е.И.* Властители Азии. М., 2004.
13. *Кычанов Е.И.* Тангутские (Си Ся) источники о татарах // *Mongolica* VIII. СПб., 2008.
14. *Малавкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
15. Материалы по истории древних кочевых народов группы *дунху*. Пер. *В.С. Таскина*. М., 1984.
16. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. Пер. *В.С. Таскина*. М., 1973.
17. *Мункуев Н.Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII–XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
18. *Очир О., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Никитин Ю.Г., Энхтур А., Анхбаяр Б., Батболд Г.* Чинтолгой балгасны судалгаа / Археологические исследования на городище Чинтолгой. Улаанбаатар, 2008 (на монг. и рус. яз.).
19. *Пииков Г.Г.* Кидани и Сибирь // Из прошлого Сибири. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Ч. 1. Новосибирск, 1996.
20. *Пэрлээ Х.* Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X – начало XI в.) // Монгольский археологический сборник. М., 1962.
21. *Пу Ж.-П.* История империи монголов. Пер. *З.З. Сажиновой*. Улан-Удэ, 2006.
22. *Drompp M.R.* Breaking the Orkhon Tradition: Kirghis Adherence to the Yenisei Region after A.D. 840 // *J. of the American Oriental Society*. 1999. Vol. 119. № 3.
23. *Drompp M.R.* Tang China and the Collapse of the Uighur Empire: a Documentary History. Leiden, Boston, 2005.
24. *Kradin N.N., Ivliev A.L., Ochir A., Danilov S.V., Enhtur A., Erdenebold L., Nikitin Yu.G.* Preliminary Results of the Investigation of Kitan Ancient Town Chintolgoi Balgas in 2004 // *Nomadic Studies Bulletin*. 2005. N 10.
25. *Kradin N.N., Ivliev A.L.* Deported Nation: the Fate of the Bohai People of Mongolia // *Antiquity*. 2008. Vol. 82.
26. *Kwanten L.* Imperial Nomads: a History of Central Asia, 500–1500. Philadelphia, 1979.
27. *Sechin Jagchid.* The Kitans and their Cities // *CAJ*. 1981. Vol. XXV. N 1–2.
28. *Twichett D., Tietze K.-P.* The Liao // *The Cambridge History of China*. Vol. 6. Cambridge University Press, 1994.
29. *Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng.* History of Chinese Society Liao (907 - 1125). Philadelphia, 1949.